

Корпускулярное строение элементов в «Тимее» Платона

Н.П. Волкова

Институт философии РАН, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия
go2nadya@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы интерпретации корпускулярной теории четырех элементов, как она изложена в «Тимее». Цель статьи – представить основные аспекты учения Платона о стихиях как о частицах, составленных из первичных треугольников. В этой работе следующим темам будет уделено особое внимание. Во-первых, вопросу о докосмическом состоянии стихий, а именно: 1) были ли стихии качествами восприимчивости или только находились в ней, будучи самостоятельными силами (*δυνάμεις*), 2) какой язык описания Платон считает предпочтительным (стоит ли называть их именами «огонь», «вода» и т.п.), 3) были ли стихии отпечатками форм и 4) имели ли они корпускулярное строение. Во-вторых, вопросу о первичных треугольниках, слагающих поверхности элементов: 1) какова их природа, 2) в каком отношении они находятся с природой восприимчивости и 3) различаются ли они по размеру. И, в-третьих, вопросу о соответствии форм элементов природным свойствам стихий. Показано, что 1) стихии всегда мыслились Платоном как отпечатки умопостигаемых форм и имели корпускулярное строение, 2) что все вторичные свойства элементов сводятся к их геометрическому устройству, 3) что первичные треугольники такие же тела, как и стихии, 4) что первичные треугольники не тождественны с восприимчивостью и 5) отличаются друг от друга по виду, но не варьируют по размеру внутри каждого вида.

Ключевые слова: Платон, «Тимей», Аристотель, корпускулы, восприимчивость, материя, пространство, первичные треугольники, первичные и вторичные качества

Для цитирования: Волкова, Н.П. «Корпускулярное строение элементов в “Тимее” Платона». *Историко-философский ежегодник* 37 (2022): 147–180.

Plato’s Theory of the Elemental Bodies in the *Timaeus*

Nadezhda P. Volkova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 109240, 12/1 Gontcharnaya St., Moscow, Russia
go2nadya@gmail.com

Abstract. This article focuses on problems of interpretation of Plato’s theory of the elemental bodies in the *Timaeus*. The purpose of the study is to present Plato’s doctrine of the elements as particles consisting of primary triangles. Our special attention will be given to the following topics. First, to the question of the pre-cosmic state of the elemental bodies, namely: (1) whether the elements were qualities of the receptacle or independent powers (δυνάμεις), (2) what language of description Plato considers preferable (i.e. whether it is worth calling them by names “fire”, “water”, etc.), (3) whether the elements were images of forms and (4) had a corpuscular structure. Second, to the question concerning primary triangles from which the surfaces of the elemental bodies are constructed: (1) are they bodies or not, (2) in what relation do they stand with the nature of the receptacle, and (3) whether they differ in size. And third, to the question of the correspondence of the forms of the elements with their natural properties. We show that (1) the elements were always thought of by Plato as images of intelligible forms and had a corpuscular structure, (2) that all the secondary properties of the elements are reduced to their geometric structure, (3) that the primary triangles are the same bodies as the elements, (4) that the primary triangles are not identical with the receptacle and (5) differ from each other in species but do not vary in size within each species.

Keywords: Plato, *Timaeus*, Aristotle, elemental bodies, receptacle, matter, space, primary triangles, primary and secondary qualities

For citation: Volkova, Nadezhda P. "Plato's Theory of the Elemental Bodies in the *Timaeus*." *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 37 (2022): 147–180. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 13.06.22

Поступила после рецензирования / Revised: 24.07.22

Принята к публикации / Accepted: 29.07.22

Памяти Пиамы Павловны Гайденко

В исследовательской литературе, начиная с первых монографий, посвященных «Тимею» Платона (Арчер-Хинда¹, Тейлора², Корнфорда³), и заканчивая последними работами (Зиля⁴, Миллер⁵ и Броди⁶), вопрос о природе и устройстве элементов, а также другие вопросы, непосредственно связанные с этой темой, такие как вопросы о природе восприимчивости, о том, что из себя представляли стихии в докосмическом состоянии и др., изучались весьма основательно. Книга Корнфорда «Космология Платона» во многом считается образцовой. Тем не менее после ее выхода в 1937 г. оставались вопросы, которые продолжали активно дискутироваться в исследовательской литературе. Результаты многих из этих дискуссий емко суммированы Зилем в обширном вступлении к новому переводу «Тимея». В своей работе я бы хотела, прежде всего, сосредоточиться на корпускулярной теории элементов, как она была последовательно реконструирована исследователями. К ней я отношусь,

¹ Richard Dacre Archer-Hind, *The Timaeus of Plato* (London: McMillan & Co, 1888).

² Alfred Edward Taylor, *A Commentary on Plato's Timaeus* (Oxford: Clarendon Press, 1928).

³ Francis M. Cornford, *Plato's Cosmology* (London: Routledge & Kegan Paul, 1937).

⁴ Donald Zeyl, ed., trans., *Plato. Timaeus* (Indianapolis/Cambridge: Hackett, 2000).

⁵ Dana R. Miller, *The Third Kind in Plato's Timaeus* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003).

⁶ Sarah Broadie, *Nature and Divinity in Plato's Timaeus* (Cambridge: Cambridge University Press, 2012).

прежде всего, вопросы: 1) о докосмическом состоянии стихий, 2) о строении частиц элементов, 3) о природе первичных треугольников, 4) об устройстве поверхностей частиц, 5) о соответствии свойств элементов их формам, а также вопросы 6) об их размере и весе.

Нельзя сказать, что корпускулярная теория Платона – особенно актуальная тема в платоноведении последнего десятилетия. В последнее время исследователи больше озабочены вопросом о том, можно ли рассматривать тела как самостоятельные сущности или они представляют собой только конгломераты качеств⁷. По сути, большинство проблем, непосредственно связанных с устройством элементарных частиц, было решено уже Корнфордом, а оставшиеся получили освещение в работах Чернисса⁸, Мортли⁹, О’Браена¹⁰ и Миллер. Однако мне кажется полезным собрать в одной статье результаты этих многолетних дискуссий, добавив к ним вопрос о докосмическом состоянии стихий. Обычно его принято рассматривать отдельно, потому что не все исследователи согласны с тем, что в докосмическом состоянии стихии тоже имели корпускулярное строение. Со своей стороны, я хочу доказать, что стихии, с точки зрения Платона, всегда были отпечатками умопостигаемых форм и представляли собой частицы, состоящие из первичных треугольников, однако их состояние до и после творения космоса было различным. Это предположение уже было высказано Мортли, я же хочу развить и дополнить некоторые из его тезисов. Помимо проблем корпускулярной теории мне так или иначе придется затронуть ряд других вопросов,

⁷ Например, см. George Karamanolis, «Does Plato Advance a Bundle Theory in the *Timaeus*?», in *Plato’s Timaeus. Proceedings of the Tenth Symposium Platonicum Pragense*, Chad Jorgenson, Filip. Karfik and Štěpán Špinka (Leiden: Brill, 2020).

⁸ Harold F. Cherniss, *Aristotle’s Criticism of Plato and the Academy* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1944).

⁹ Raoul J. Mortley, «Primary Particles and Secondary Qualities in Plato’s *Timaeus*», *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science* 2, no. 1 (1967).

¹⁰ Denis O’Brien, *Plato Weight and Sensation: the Two Theories of the Timaeus* (Paris: Les Belles Lettres, Leiden: Brill, 1984).

связанных с ней самым непосредственным образом. Среди них вопросы о необходимости, о природе восприимчивости и о способе названия элементов. Все эти темы сами по себе заслуживают отдельного и очень пристального рассмотрения. Я вовсе не претендую на всесторонний обзор литературы по указанным вопросам, поскольку невозможно дать исчерпывающий анализ огромного числа аргументов, изложенных во множестве книг и статей за последние сто пятьдесят лет. Так что я ограничусь рассмотрением только наиболее значимых, поворотных и доступных мне работ, а об остальных я постараюсь упомянуть в примечаниях. Некоторые аргументы, относящиеся к корпускулярному устройству элементов опосредованно, но необходимые для того, чтобы логика рассуждений не была нарушена, мне придется изложить контурно, не вдаваясь в детали.

Необходимость. Начало рассуждения об элементах ознаменовано новым поворотом в рассказе Тимея (47e4–5). До сих пор его рассуждения касались в основном того, что сделал ум Демиург, т.е. речь шла о разумном и целесообразном устройстве мира, теперь же речь пойдет об ином порядке причин, а именно о том, что возникло в силу необходимости (τὰ διὰ τοῦ δεδημιουργημένα <...> τὰ δι' ἀνάγκης γινόμενα)¹¹. Оказывается, что в мире действует не только разум, есть и другое начало, которое Платон вслед за орфиками и пифагорейцами называет необходимостью. Поэтому рождение космоса оказывается смешанным, причем ум возобладал над необходимостью. Что в данном случае Платон понимает под необходимостью? Этот вопрос очень много обсуждался, и спектр возможных интерпретаций был весьма широк. Арчер-Хинд полагал, что необходимость нельзя рассматривать как независимую силу, внешнюю по отношению к уму, потому что такое утверждение противоречит одной из главных доктрин платонизма о том, что единственным источником движения в мире является душа. В итоге он пришел к выводу, что в образе необходимости выступают

¹¹ Греческие тексты цитируются по изданиям, представленным в электронной текстовой базе данных Thesaurus Linguae Graecae (<http://stephanus.tlg.uci.edu>).

законы природы, которые, правда, созданы самим Демиургом, которого он понимал как всемогущего Бога-творца¹². Однако, как замечает Корнфорд, эта интерпретация противоречит тексту Платона, потому что необходимость сосуществует с Демиургом, а не создается им. Платон также называет необходимость «беспорядочной причиной» (πλανωμένη αἰτία). Критикуя подход Арчер-Хинда как чрезмерно неоплатонический, Корнфорд показывает, что под беспорядочной причиной нужно понимать прежде всего те силы, которые противостоят действиям причин разумных¹³. Платон разделяет причины на два типа: разумные и неразумные, или сопутствующие, к которым в «Федоне» (98a6–b3) Сократ относит все действия, производимые элементами. В чем принципиальное отличие разумных причин? Разум действует ради достижения благой цели, так что разумной причиной может быть только причина, действия которой целесообразны. Следовательно, беспорядочные причины – это такие причины, действия которых не имеют никакой цели, поэтому лучше всего описывать их как случайные. Однако и здесь нельзя впадать в крайность, полагая, что действия беспорядочной причины совершенно лишены логики, как считал, например, Тейлор, называя их «неправильными, исключительными и единичными» (anomalous, exceptional, singular)¹⁴. Речь идет о таких причинах возникновения космоса, которые рассматривали первые физиологи, называя их, например, сгущением и разряжением. Эти физические процессы имеют свою логику и законы. На это обстоятельство указывает, например, Броди, подчеркивая, что Платон, переходя к рассмотрению того, что возникло в силу необходимости, продолжает свое рассуждение в русле правдоподобного мифа¹⁵. Таким образом, несмотря на то что природа элементов не относится к тем вещам, которые появились в результате действий разумных причин, нельзя сказать, что она полностью непознаваема.

¹² Archer-Hind, *The Timaeus of Plato*, 166.

¹³ Cornford, *Plato's Cosmology*, 163–64.

¹⁴ Taylor, *A Commentary on Plato's Timaeus*, 300.

¹⁵ Broadie, *Nature and Divinity in Plato's Timaeus*, 185–87.

Восприемница. Платон выделяет две стадии существования четырех стихий: докосмическую (47e–53c) и космическую (53c–57d). Демиург не творит стихии, еще до сотворения мира они присутствуют в восприемнице (ὕλοδοχή, 49a). Но что они собой представляли? Есть две принципиально отличающиеся точки зрения на этот вопрос. Одни авторы считают, что стихии были феноменальными качествами (Корнфорд), другие – что они представляли собой независимые от восприемницы силы и были отпечатками умопостигаемых форм (Мор). Однако, чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала разобраться с тем, что Платон понимал под восприемницей. Платон называет восприемницу третьим видом (τρίτον εἶδος) наряду с двумя другими началами космоса – умопостигаемым образцом и его телесными воплощениями. Третий вид не однороден с первыми двумя, потому что он существует не в силу разумных причин, а по необходимости. Платон акцентирует внимание на том, что этот «вид темен и труден для понимания» (χαλεπὸν καὶ ἀμυδρὸν εἶδος). Именно в отношении восприемницы он использует выражение Демокрита «незаконное умозаключение» (νόθος λογισμός), потому что ни мышление, ни истинное мнение не могут ее постичь, ведь она не идея и не тело. Поэтому все, что мы знаем о ней, мы видим как бы во сне (ὄνειροπολοῦμεν βλέποντες) и едва верим в ее существование. Таким образом, природа восприемницы находится за гранью наших познавательных способностей. Тем не менее восприемница совершенно необходима, потому что вещам нужно место, где они могли бы возникнуть, поэтому Платон называет ее пространством (χώρα, 52a8), местом (τόπος, 52a6) и вместилищем или областью (ἔδρα, 52b1). Однако Платон предлагает и ряд других сравнений. Он сравнивает восприемницу с золотом, из которого отливают различные фигуры (χρυσός, 50a6), с пластичной массой, на которой появляются оттиски (ἐκμαγεῖον, 50c2), с основой для благовоний (ἄλειμμα, 50e6) и даже называет матерью (μήτηρ, 51a4) и кормилицей (τιθήνην, 52d5).

Вопрос о том, что представляет собой воспринимающая эйдосы природа, подобна ли она материи Аристотеля, обсуждался со времен Древней академии и до сих пор не нашел однозначного решения. Первым отождествил восприемницу и материю

сам Аристотель¹⁶. В «Метафизике» он причислил Платона к тем, кто признавал существование двух причин – формальной (сути вещи) и материальной (*Met.* 988a7–14). Под материальной причиной здесь Аристотель понимает принцип «большого-и-малого». В «Физике» он ищет начала физически существующих вещей и объявляет ими две противоположности и принимающую их природу, т.е. материю, при этом принцип «большого-и-малого» оказывается искомой подлежащей природой (*Phys.* 192a13–14), которую, конечно, по мнению Аристотеля, Платон понимал неправильно, потому что полагал противоположностью формы. И в итоге Аристотель отождествляет материальный принцип Платона с воспринимающим и пространством из «Тимея»: «Поэтому и Платон говорит в «Тимее», что материя и пространство – одно и то же, так как одно и то же восприимлющее и пространство (διὸ καὶ Πλάτων τὴν ὕλην καὶ τὴν χώραν ταῦτό φησιν εἶναι ἐν τῷ Τιμαίῳ· τὸ γὰρ μεταληπτικὸν καὶ τὴν χώραν ἐν καὶ ταῦτόν)¹⁷» (209b11–13).

Обращаясь к понятию пространства, Бородай представляет семасиологический анализ понятия «χώρα», показывая, что χώρα – это «невидимое вместилище всех вещей, неотделимое от них, обеспечивающее их существование, движение и изменение»¹⁸. Алгра, автор одной из последних книг, посвященных проблеме пространства в Античности, предлагает изменить подход к интерпретации платоновского понятия «χώρα». Он полагает, что не нужно пытаться сделать выбор в пользу одного из решений, а нужно рассмотреть, что лежало в основе представлений Платона о восприимнице. Тем самым он предлагает дистанцироваться от интерпретаций и критики Аристотеля и дать слово самому Платону. Внимательно читая текст «Тимея», Алгра отмечает, что, когда Платон определяет восприимницу как пространство, то он говорит не о ее природе, а о том, какую роль или функцию она выполняет. Главная функция

¹⁶ Более подробно см. Cherniss, *Aristotle's Criticism of Plato and the Academy*, 83–173.

¹⁷ Пер. В.П. Карпова.

¹⁸ Т.Ю. Бородай, *Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона* (М.: Издатель Савин С.А., 2008), 131.

восприемницы – воспринимать, или быть принимающим (τὸ δεχόμενον), но она не случайна, поскольку связана с самой природой (φύσις) восприемницы и теми способностями (δυνάμεις), которыми она обладает. В «Тимее» 50c–d восприемница названа природой, которая принимает все тела (τῆς τὰ πάντα δεχομένης σώματα φύσεως). При этом сама она неизменна и никогда не выходит за пределы своих свойств (ἐκ γὰρ τῆς ἑαυτῆς τὸ παράπαν οὐκ ἐξίσταται δυνάμεως)¹⁹. Таким образом, восприемница вечно принимает все вещи, но не изменяется ими. В этом же фрагменте Платон сравнивает восприемницу с материалом, готовым принять любой оттиск (ἐκμαγεῖον γὰρ φύσει παντὶ κεῖται). Но тогда воск – это не материал, из которого вещь состоит, а только то, что принимает оттиск. Без воска появление оттиска невозможно, в этом смысле восприемница выступает условием возможности появления оттисков и может рассматриваться как подлежащее возникающего, но это не означает, что она входит в состав возникающего или испытывает какие-то изменения. Однако в тексте «Тимея» есть места, где Платон говорит о восприемнице как об элементе физических вещей и даже как об *ex hou* (в знаменитой аналогии с золотом, 50a)²⁰. Таким образом, как отмечает Агтра, текст «Тимея» позволяет интерпретировать восприемницу не только как пространство, но и как конституирующий элемент телесной реальности²¹.

Неоднозначность, присутствующая в тексте «Тимея», и наложившаяся на нее интерпретация, предложенная Аристотелем, породила массу проблем. Кратко их можно сформулировать следующим образом. Во-первых, у Аристотеля материя – это субстрат и логическое подлежащее, принимающее различные определения, следовательно, она оказывается ближе всего

¹⁹ Keimpe A. Algra, *Concepts of Space in Greek Thought* (Leiden, New York, Köln: Brill, 1994), 78–81.

²⁰ Важно отметить, что Платон не использует выражение *ex hou*; в качестве специального термина оно появляется только у Аристотеля. Однако в аналогии с золотом, которая будет подробно рассмотрена ниже, оказывается, что вещи возникают подобно фигурам, отлитым мастером «из золота» (ἐκ χρυσοῦ, 50a6).

²¹ Algra, *Concepts of Space in Greek Thought*, 86.

к первой сущности, к конкретной вещи. Во-вторых, материя – это активное начало, стремящееся получить форму и способное ее удерживать. Тогда как она может быть тождественна пространству, которое вечно, неизменно и не аффицируемо формами? Как удачно сформулировала Миллер, перед нами четыре возможные интерпретации воспринимающей природы Платона: «она или материя, или пространство, или оба, или ни одно из них»²². Со своей стороны, она предложила очень изящное решение этой проблемы. Для Платона воспринимающая природа принципиально непознаваема, но она может по-разному проявлять себя тогда, когда в ней появляются формы. Как, например, воск, когда на него надавливает печать, становится местом, где появляется оттиск, но до этого момента он не был ни местом, ни материей оттиска. Таким образом, восприимница может проявлять себя в отношении к форме то как материя, из которой сделана вещь, то как пространство или место, где вещь возникает и находится, но сама по себе она ничто из этого²³.

Докосмическое состояние стихий. Корнфорд, Чернисс и Мор сходятся во мнении, что все движения у Платона имеют «физический» источник, т.е. сама восприимница неподвижна, а движутся стихии, находящиеся в ней.

А о Кормилице рождения скажем вот что: поскольку она то растекается влагой, то пламенеет огнем (ὕγραίνομένην καὶ πυρομένην), и принимает формы земли и воздуха (τὰς γῆς τε καὶ ἀέρος μορφὰς δεχομένην), и претерпевает всю череду подобных состояний (ὅσα ἄλλα τούτοις πάθη συνέπεται πάσχουσαν), являя многообразный лик (παντοδαπὴν μὲν ἰδεῖν φαίνεσθαι), и поскольку наполнявшие ее силы (δυνάμεων) не были ни взаимно подобны, ни взаимно уравновешены и сама она ни в одной своей части не имела равновесия, она повсюду была неравномерно сотрясаема и колеблема этими силами и в свою очередь сама колебала их своим движением²⁴ (52d4–e5).

В этом фрагменте Корнфорд переводит формы (μορφαί) как свойства (characters), считая, что речь идет о свойствах

²² Miller, *The Third Kind in Plato's Timaeus*, 15.

²³ Miller, *The Third Kind in Plato's Timaeus*, 194–95.

²⁴ Пер. С.С. Аверинцева с небольшими изменениями.

стихий, передаваемых восприемнице²⁵. Тогда чем состояния (πάθη) отличаются от форм? Корнфорд считает, что ничем. «Таким образом, здесь восприемница окончательно отождествляется с пространством и определяется основными свойствами огня, воздуха, воды и земли – горячим, холодным, влажным, сухим – и другими сопутствующими им состояниями. Эти качества стихий также описываются как «способности» (δυνάμεις)²⁶. Оспаривая интерпретацию Корнфорда, Мор настаивает на том, что в 52d6 речь идет именно об умопостигаемых формах стихий. Это замечание Мора особенно важно потому, что из него следует, что еще в докосмическом состоянии, пока Демиург не приступил к творению мира, умопостигаемые формы уже находились в восприемнице²⁷. Ее роль как пространства и места, где находятся стихии, Платон иллюстрирует сравнением с корзиной-веялкой (πλόκωνον), которая была известна древним грекам. Зерна не просеиваются через нее, а распределяются внутри в разных частях в зависимости от размера и веса: «Таким образом, четыре рода обособились в пространстве еще до того, как пришло время рождаться устрояемой из них Вселенной»²⁸ (53a). Таким образом, еще в докосмическом состоянии стихии были не качествами восприемницы, а отпечатками умопостигаемых форм и самостоятельными силами.

Критика начал древних физиков. В отличие от неизменных корней Эмпедокла и атомов Демокрита стихии Платона способны превращаться друг в друга, поэтому они не вечны и не существуют самостоятельно. Это утверждение особенно важно для Платона, потому что позволяет опровергнуть мнения древних физиков о том, что стихии – это начала космоса. В докосмическом состоянии все стихии переходят друг в друга в процессе циклической трансформации:

Возьмем для начала хотя бы то, что мы теперь называем водой: когда она сгущается, мы полагаем, что видим рождение камней

²⁵ Cornford, *Plato's Cosmology*, 198.

²⁶ Cornford, *Plato's Cosmology*, 199.

²⁷ Richard Mohr, «Mechanism of Flux in Plato's *Timaeus*», *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science* 14, no. 2 (1980), 97–8.

²⁸ Пер. С.С. Аверинцева.

и земли (πηγνύμενον ὡς δοκοῦμεν λίθους καὶ γῆν γιγνόμενον ὀρώμεν), когда же она растекается и разрезается, соответственно рождаются ветер и воздух, а последний, возгораясь, становится огнем; затем начинается обратный путь, так что огонь, сгустившись и угаснув, снова приходит к виду воздуха, а воздух опять собирается и сгущается в облака и тучи, из которых при дальнейшем уплотнении изливается вода, чтобы в свой черед дать начало земле и камням (ἐκ δὲ τούτων ἐπὶ μᾶλλον συμπλουμένων ῥέον ὕδωρ, ἐξ ὕδατος δὲ γῆν καὶ λίθους αὐθις), и, так переходя по кругу одно в другое, как кажется, они рождаются (κύκλον τε οὕτω διαδιδόντα εἰς ἄλληλα, ὡς φαίνεται, τὴν γένεσιν) (49c-d)²⁹.

В этом фрагменте Платон апеллирует к эмпирическому опыту наблюдения за взаимопревращением элементов, но делает две оговорки. Во-первых, он добавляет элемент сомнения «мы полагаем» (ὡς δοκοῦμεν), когда речь идет о сгущении воды и превращении ее в камни, во-вторых, «как кажется» (ὡς φαίνεται), когда речь идет о циклическом превращении элементов. Когда Платон будет излагать свою теорию превращения стихий, окажется, что в космическом состоянии возможность трансформации земли в другие элементы отсутствует. Так что даже если сейчас нам кажется, что вода превращается в камень, это неверно. Но здесь Платону важно доказать, что среди стихий нет ни одной, которая могла бы претендовать на роль начала. В докосмическом состоянии все стихии превращаются друг в друга, при этом действуют два основных механизма – сгущение и разрежение, – которые обеспечивают непрерывность и цикличность этого процесса.

«Это» или «такое». Еще одно «лингвистическое» рассуждение позволяет Платону лишить стихии их привилегированного положения начал. Платон считает, что из-за взаимопревращения стихии не следует называть «тем» или «этим», но только «таким» (*Тимей* 49d–50a³⁰):

²⁹ Пер. С.С. Аверинцева с небольшими изменениями.

³⁰ Мне пришлось предложить свой перевод потому, что перевод С.С. Аверинцева кажется мне не вполне понятным. Я очень благодарна А.В. Серегину, который помог мне разобраться с наиболее трудными местами в этом и следующем фрагментах.

οὕτω δὴ τούτων οὐδέ ποτε τῶν αὐτῶν ἐκάστων φανταζομένων, ποῖον αὐτῶν ὡς ὄν ὅτιοῦν τοῦτο καὶ οὐκ ἄλλο παγίως δισχυριζόμενος οὐκ αἰσχυνεῖται τις ἑαυτὸν; οὐκ ἔστιν, ἀλλ' ἀσφαλέστατα μακρῶ περὶ τούτων τιθεμένους ὧδε λέγειν· αἰεὶ ὁ καθορώμεν ἄλλοτε ἄλλη γιγνόμενον, ὡς πῦρ, μὴ τοῦτο ἀλλὰ τὸ τοιοῦτον ἐκάστοτε προσαγορεύειν πῦρ, μηδὲ ὕδωρ τοῦτο ἀλλὰ τὸ τοιοῦτον αἰεὶ, μηδὲ ἄλλο ποτέ μηδὲν ὡς τινα ἔχον βεβαιότητα, ὅσα δεικνύντες τῷ ῥήματι τῷ τότε καὶ τοῦτο προσχρώμενοι δηλοῦν ἡγουμένθα τι· φεῦγει γὰρ οὐχ ὑπομένον τὴν τοῦ τότε καὶ τοῦτο καὶ τὴν τῷδε καὶ πᾶσαν ὄση μόνιμα ὡς ὄντα αὐτὰ ἐνδεικνυται φάσις. ἀλλὰ ταῦτα μὲν ἕκαστα μὴ λέγειν, τὸ δὲ τοιοῦτον αἰεὶ περιφερόμενον ὁμοιον ἐκάστου πέρι καὶ συμπάντων οὕτω καλεῖν, καὶ δὴ καὶ πῦρ τὸ διὰ παντὸς τοιοῦτον, καὶ ἅπαν ὅσον περ ἂν ἔχη γένεσιν· ἐν ᾧ δὲ ἐγγιγνόμενα αἰεὶ ἕκαστα αὐτῶν φαντάζεται καὶ πάλιν ἐκεῖθεν ἀπόλλυται, μόνον ἐκεῖνο αὐτὸ προσαγορεύειν τῷ τε τοῦτο καὶ τῷ τότε προσχρωμένους ὀνόματι, τὸ δὲ ὅποιοι οὖν τι, θερμὸν ἢ λευκὸν ἢ καὶ ὅτιοῦν τῶν ἐναντίων, καὶ πάνθ' ὅσα ἐκ

Если, таким образом, каждая из них никогда не представляется одним и тем же, то как некто может не стыдиться себя, решительно утверждая, что какая-то из них есть вот эта отдельная вещь, а не что-то иное? Никак. А самым достоверным способом будет утверждать о них, говоря так: о том, что мы всегда видим становящимся то одним, то другим в разное время, как например, огонь, нужно говорить не «это – огонь», а «всякий раз такое – огонь», и не «это – вода», а «всегда такое – вода»³¹, и даже не [называть] «[это] (как если бы эти вещи имели какую-то стабильность) ничем другим» из тех вещей, о которых мы думаем, что делаем нечто определенно ясным, когда указываем на них в речи, используя слова «то» и «это». Потому что они ускользают, не попадая под определение «то», «это», «нечто» или любое другое, которое описывает их как неподвижные сущие. Но [еще лучше] не будем говорить об этих вещах как о каждой отдельно [т.е. не называть отдельно огнем, водой и т.п. – Н.В.]³², а так называть

³¹ Мое прочтение повторяет чтение Чернисса: τοῦτο ἀλλὰ τὸ τοιοῦτον ἐκάστοτε и τοῦτο ἀλλὰ τὸ τοιοῦτον αἰεὶ он предлагает понимать как субъект предикации при προσαγορεύειν, а πῦρ и ὕδωρ как предикаты.

³² ταῦτα μὲν субъект предикации при μὴ λέγειν, а ἕκαστα предикат.

τούτων, μηδὲν ἐκεῖνο αὖ τούτων
καλεῖν.

такое, всегда повторяющееся в качестве одинакового и в случае с каждой [из стихий по отдельности] и со всеми ними вместе³³, например, «такое, что постоянно такое, – огнем», и вообще все, что имеет возникновение. Но то, в чем кажется, что они всегда рождаются и откуда вновь исчезают, только это мы назовем, используя имена «то» и «это». А то, что представляет собою то или иное качество, – или теплое, или белое, или то, что им противоположно, – и вообще всё, что из них слагается, ни одно из них не следует так называть.

Платон предлагает отказаться от слов «то» и «это», т.е. от существительных, и заменить их прилагательными – «такой», т.е. горячий или холодный и т.п., когда речь идет о стихиях. Только восприемницу Платон согласен называть «то» и «это». Пожалуй, это всё, в чем исследователи согласны между собой. В предисловии к последнему переводу «Тимея» Зиль называет фрагмент (49a6–50a4) «наиболее спорным» (a much disputed passage)³⁴, отсылая нас к знаменитой работе Чернисса, озаглавленной «A Much Misread Passage of the

³³ ταῦτα μὲν μὴ λέγειν противопоставляется τὸ δὲ τοιοῦτον ἀεὶ περιφερόμενον ὁμοιον οὕτω καλεῖν. При этом τὸ δὲ τοιοῦτον ἀεὶ περιφερόμενον ὁμοιον ἐκάστου πέρι καὶ συμπάντων понимается как единая конструкция, по смыслу совпадающая с τὸ διὰ παντὸς τοιοῦτον и ἅπαν ὄσοντες ἂν ἔχη γένεσιν. Кроме того, ἐκάστου πέρι καὶ συμπάντων не относится к οὕτω καλεῖν. См. подробную аргументацию: Harold F. Cherniss, «A Much Misread Passage of the *Timaeus* (*Timaeus* 49 C 7–50 B 5)», *The American Journal of Philology* 75, no. 2 (1954).

³⁴ Zeyl, *Timaeus*, lvi–lix.

Timaeus»³⁵. Эта работа стала поворотным моментом в истории интерпретации этого фрагмента и породила массу споров. Чтобы кратко изложить суть спора, Зиль предлагает называть способ прочтения Чернисса альтернативным в сравнении с традиционным, предложенным Корнфордом. Согласно традиционной интерпретации, в этом фрагменте Платон утверждает, что нужно говорить об огне, воде и остальных стихиях как о качествах, называя «такими», а не как о сущностях, т.е. не называть «этими». Но Платон вовсе не запрещает нам называть их обычными именами («огонь», «вода» и т.д.), нужно просто иначе понимать их статус. Тогда что означают слова Платона при традиционном прочтении, что огонь «такой», а не «этот»? Как пишет Зиль:

Пусть не все последователи традиционного прочтения согласятся, но многие скажут, что в этом контексте точка зрения Платона сводится к тому, что для того, чтобы нечто было «этим», оно должно быть самодостаточным, то есть быть чем-то самим по себе <...>. Формы самодостаточны, и, как будет позже утверждать Платон, восприимчива тоже самодостаточна (50b7–8), следовательно, формы и восприимчива суть именно «это» (49e7–50a2). Напротив, части феноменального огня и тому подобные вещи лишены самодостаточности: тот факт, что они кажутся превращающимися друг в друга (49b7–c7), показывает, что ни одна из них не является чем-то самим по себе, ведь если одна и та же вещь может быть то огнем, то воздухом, значит она сама по себе не огонь и не воздух; в лучшем случае то, что это огонь, является его временной характеристикой <...>. А то, что мы обычно называем огнем, просто «такое».

Чернисс, со своей стороны, доказывает, что в этом отрывке Платон идет гораздо дальше, и настаивает на том, что не только стихии нельзя называть «то» или «это», а что их вообще нельзя называть по отдельности огонь, вода, и т.п., поскольку они находятся в круге взаимопревращений, а имена могут относиться только к неизменному. Более того, нельзя давать отдельные имена никаким физическим вещам, поскольку все они

³⁵ Harold F. Cherniss, «A Much Misread Passage of the *Timaeus* (*Timaeus* 49 C7–50 B5)», *The American Journal of Philology* 75, no. 2 (1954).

изменчивы (phenomena cannot be distinctively denominated)³⁶. Неизменным в данном случае оказываются не только идеи, но и природа восприемницы. Следовательно, если некто хочет правильно использовать имена, то сказать «это» он может только о восприемнице, но не о стихиях³⁷. Греческий текст позволяет прочитать этот фрагмент обоими способами. До сих пор в этом вопросе не достигнуто согласие³⁸, у обеих интерпретаций есть свои сторонники и противники³⁹.

Если имена относятся к идеям, а вещи мы называем по аналогии с идеями, то правильно называть мы можем только те вещи, которые имеют соответствующую идею. Эта мысль Платона о том, что первичными референтами наших понятий являются идеи, хорошо известна, но ее ли он здесь доказывает? В случае стихий в их космическом состоянии очевидно, что идея у них есть, это форма правильного многогранника. Так что, отстаивая традиционный подход, Зиль совершенно справедливо указывает на следующий фрагмент «Тимея» (69b6–7), где Платон говорит о докосмическом состоянии стихий, что «в них не было ничего подобного, разве что по какому-нибудь случайному совпадению, и вовсе не к чему было применить те имена, которыми мы ныне именуем огонь и воду, а равно и прочие вещи»⁴⁰. Таким образом, с одной стороны, кажется, что Платон не запрещает называть огонь огнем, а воду водой в их космическом состоянии. С другой стороны, в докосмическом состоянии стихии еще нельзя называть

³⁶ Cherniss, «A Much Misread Passage of the *Timaeus*», 128.

³⁷ Ibid.

³⁸ Последняя статья на эту тему: Takeshi Nakamura, «“This” and “Such” in the Receptacle Passage of Plato’s *Timaeus*», *Archiv für Geschichte der Philosophie* 104, Nr. 2, (2022).

³⁹ Сторонники традиционной интерпретации: Norman Gulley, «The Interpretation of Plato, *Timaeus* 49D–E», *American Journal of Philology* 81 (1960); Donald Zeyl «Plato and Talk of a World in Flux: *Timaeus* 49a6–50b5»; *Harvard Studies in Classical Philology* 79 (1975); Mary Louise Gill, «Matter and Flux in Plato’s *Timaeus*», *Phronesis* 32 (1987). Сторонники альтернативной интерпретации: Edward N. Lee, «On Plato’s *Timaeus* 49d4–e7», *American Journal of Philology* 88 (1967); K.W. Mills, «Some Aspects of Plato’s Theory of Forms: *Timaeus* 49c ff.», *Phronesis* 13 (1968); Allan Silverman, «Timean Particulars», *Classical Quarterly* 42 (1992).

⁴⁰ Пер. С.С. Аверинцева с небольшими изменениями.

соответствующими именами, потому что все они только «такое как вода», т.е. холодное и влажное и т.п. Поскольку в этом фрагменте Платон говорит о докосмическом состоянии стихий, перевод Чернисса кажется мне более точным. Однако утверждение Платона о том, что огонь нельзя называть огнем, а воду – водой, а только говорить, что они «такие», вовсе не означает, что стихии являются свойствами или характеристиками субстрата. Платон использует для их описания прилагательные, потому что в языке нет лучшего способа показать их зависимый и несамодостаточный характер существования.

Аналогия с золотом. При обоих способах прочтения Платон достигает поставленной задачи развенчать представление о том, что стихии могут быть началами космоса. Таким образом, не какая-то стихия, а только восприимница оказывается началом, необходимым для возникновения физического мира. Чтобы еще яснее показать свою правоту, Платон приводит пример с золотом и фигурами, которые из него отливаются (*Тимей* 50a5–b5):

εἰ γὰρ πάντα τις σχήματα
πλάσας ἐκ χρυσοῦ μηδὲν μετα-
πλάττων παύοιτο ἕκαστα εἰς
ἅπαντα, δεικνύντος δὴ τινος
αὐτῶν ἐν καὶ ἐρομένου τί ποτ'
ἐστὶ, μακρῶ πρὸς ἀλήθειαν ἀσ-
φαλέστατον εἰπεῖν ὅτι χρυσός,
τὸ δὲ τρίγωνον ὅσα τε ἄλλα
σχήματα ἐνεγίγνετο, μηδέποτε
λέγειν ταῦτα ὡς ὄντα, ἃ γε μετα-
ξὺ τιθεμένου μεταπίπτει, ἀλλ'
ἐὰν ἄρα καὶ τὸ τοιοῦτον μετ'
ἀσφαλείας ἐθέλῃ δέχεσθαί τινος,
ἀγαπᾶν.

Ведь если некто, отлив из золота всевозможные фигуры, не переставал бы переплавлять каждую во все остальные, и если некто укажет на одну из фигур и спросит, «что это такое», то наиболее достоверно в отношении истины будет сказать, что «это – золото», а о треугольнике и прочих возникших фигурах никогда не говорить как о сущих, поскольку они меняются в то время, когда о них делается утверждение, но если он захочет принять ответ, содержащий в себе некоторую долю достоверности, что «это – такое», то нам надо быть довольными⁴¹.

⁴¹ Пер. мой. Я следую прочтению Мора, которое кажется мне наиболее последовательным.

Этот пример, без сомнения, сближает платоновскую восприимницу с аристотелевской материей, которая оказывается как бы сущностью, о которой сказываются такие качества, как огненность, воздушность и т.п. Так что Корнфорд в комментарии к этому фрагменту прямо называет стихии в их докосмическом состоянии характеристиками, или качествами (qualities), восприимницы, тогда как Броди указывает на обе возможности интерпретации и как качеств, и как самостоятельных сил (δυνάμεις)⁴². Однако аналогию с золотом Платон использует только для сравнения, чтобы показать, что в докосмическом состоянии стихии подобны скорее качествам, чем сущностям, и должны описываться с помощью прилагательных, а не существительных. Мор предлагает рассматривать это фрагмент как поясняющий прежнюю мысль Платона о том, что о стихиях нельзя говорить «это». Мор предлагает понимать аналогию с золотом так, что Платон противопоставляет физические вещи, взятые в их непрерывной текучести, тем же самым физическим вещам, но представленным в качестве образов идей. В первом случае о вещах вообще нельзя сделать никаких утверждений, во втором – можно сказать, что они нечто «такое» (τοιοῦτον), т.е. такое, как огонь и т.п. Так что, если спросить о вещах в их непрерывной текучести «что это?», то ответом будет «восприимница» (в представленной аналогии – «золото»). Но если мы рассматриваем вещи как отражение идей, то ответом будет «такое» или «такого рода», под чем подразумевается такое, как огонь сам по себе, или идея огня. Кроме того, если спрашивающий готов поступиться точностью высказывания, то в разговоре о непрерывно текущих вещах он может также согласиться использовать выражение «такое», что и делал сам Платон строками выше. Поскольку речь идет именно об аналогии, то кажется последовательным сопоставить фигуры, бросаемые в переплавку, с докосмическим состоянием стихий, которое представляет собой непрерывно текущий поток. Однако, как показал сам Мор, даже в докосмическом состоянии стихии были отпечатками идей, которые, однако, не получили еще окончательного оформления.

⁴² Brodie, *Nature and Divinity in Plato's Timaeus*, 190.

Формы элементов. Рассказывая о творении элементов, Платон говорит, что Демиург «упорядочил эти четыре рода с помощью образов и чисел» (53b), т.е. придал стихиям надлежащую форму. Какими, в принципе, формами могут обладать частицы? Демокрит считал, что любыми, поскольку количество атомов бесконечно, то и их формы бесконечно разнообразны. Платон, напротив, полагал, что число частиц ограничено, а их форм может быть только четыре и эти формы правильные. Как доказал Теэтет, выпуклых правильных многогранников всего пять: куб, пирамида (тетраэдр), октаэдр, икосаэдр и додекаэдр. Именно эти формы, исключая додекаэдр, Демиург придает стихиям: куба – земле, тетраэдра – огню, октаэдра – воздуху и икосаэдра – воде. Поскольку элементы – это объемные тела, они ограничены поверхностями, причем эти поверхности сложно составленные. Оказывается, что они сформированы треугольниками двух видов: 1) равнобедренным прямоугольным треугольником, 2) разносторонним прямоугольным треугольником со сторонами: $a = 1$, $b = \sqrt{2}$, $c = 2$. Поверхность куба слагают равнобедренные треугольники, тогда как поверхности тетраэдра, октаэдра и икосаэдра слагают разносторонние треугольники. Поэтому в космическом состоянии земля выпадает из процесса трансформации, поскольку ее частицы составлены треугольниками другого вида.

Творение элементов. Каким образом Демиург упорядочивает стихии? Был ли перед ним какой-то аморфный материал, требующий разделения и оформления, как это было в случае с Мировой душой? И какую роль в этом процессе играют первичные треугольники? В тексте «Тимея» не сказано, что их создал Демиург; значит ли это, что они существовали всегда? Если первичные треугольники слагают физические тела, то как они могут быть треугольниками, т.е. двумерными объектами? Если же они тела, то из чего они состоят? Рассматривая вопрос о природе треугольников, Захс пришла к выводу, что они должны состоять из некоего материала, ведь невозможно, чтобы треугольники были сделаны из ничего. Этим материалом оказалось не что иное, как природа восприимчивы. В качестве доказательства Захс ссылается на пример Платона с золотым

треугольником⁴³. Ярым противником этой концепции выступал Кромби. Он полагал, что сначала восприемнице придается форма первичных треугольников, которые в свою очередь формируют правильные тела:

Что такое «пространство»? «Пространство» получает форму треугольников (is shaped into triangles), эти треугольники объединяются в правильные тела (are combined into regular solids), и из этих правильных тел создаются физические вещи. Как же мы должны понимать «пространство» и треугольники, которые из него состоят? <...> треугольники – это просто треугольники <...>. Если у нас возникнет соблазн спросить: «Треугольники чего?» – мы должны сопротивляться этому вопросу. Это просто треугольники⁴⁴.

Кромби полагает, что Платон в «Тимее» предлагает пифагорейский взгляд на природу вещей, следовательно нет ничего удивительного в том, что он рассматривает физические тела как состоящие из геометрических фигур. Миллер справедливо отметила, что треугольники не могут формировать восприемницу, потому что она неаффицируема формами, и предложила следующее решение этого вопроса: первичные треугольники – это тела, и, как все тела, они имеют третье измерение, а треугольниками они названы Платоном омонимически, т.е. лишь по аналогии с идеей треугольника, точно так же как, например, мы говорим «линия» или «круг», когда чертим на доске объект, который нельзя назвать линией или кругом в строгом смысле⁴⁵. Это решение представляется очень удачным, потому что позволяет избежать смешения физического и математического описания реальности.

Тогда в каких отношениях находятся первичные треугольники и восприемница, является ли она ими, разделяется ли ими

⁴³ Eva Sachs, *Die Fünf Platonischen Körper: Zur Geschichte der Mathematik und der Elementenlehre Platons und der Pythagoreer* (Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1917), 217.

⁴⁴ Ian M. Crombie, *An Examination of Plato's Doctrines*, vol. 2, *Plato on Knowledge and Reality* (London, New-York: Routledge, 1963), 222.

⁴⁵ Miller, *The Third Kind in Plato's Timaeus*, 164–95.

на части или треугольники всегда находятся в ней, как и все остальные отпечатки идей? Платон прямо утверждает, что восприемница не может быть этими треугольниками: «<...> мы не скажем, будто мать и восприемница всего, что рождено видимым и вообще чувственным, – это земля, воздух, огонь, вода или все, то что родилось из этих четырех стихий, или то, из чего они сами родились (ἐξ ὧν ταῦτα γέγονεν)⁴⁶» (51a4–6). Первичные треугольники – то, из чего родились стихии. Утверждение Платона о том, что восприемница не может состоять из первичных треугольников основано на его стойкой уверенности в том, что принимающее формы начало само должно быть лишено всех форм. Так что восприемница не может состоять из треугольников и не может ими разделяться, поскольку она полностью неаффицируема. Значит, как и все прочие тела, первичные треугольники только находятся в восприемнице.

В статье «Первичные тела и вторичные качества в «Тимее» Платона»⁴⁷ Мортли спрашивает, что означают слова Платона о том, что в докосмическом состоянии огонь, вода и все остальные стихии «имели следы того, что им присуще» (ἵχνη μὲν ἔχοντα αὐτῶν ἄττα)» (53b1–2)? То есть, что позволяло стихиям быть теми самыми силами, которые предстают то водой, то огнем? На этот вопрос Мортли отвечает, что в докосмическом состоянии стихии уже были составлены из первичных треугольников и имели определенные геометрические формы. В качестве доказательства он отмечает, что при описании свойств огня Платон апеллирует только к геометрическому устройству элемента. Нужно добавить, что это также верно и в отношении земли, воды и воздуха. Все их физические свойства Платон объясняет либо строением первичных треугольников, либо устройством их поверхностей, либо числом и остротой граней. Получается, что все свойства или способности стихий (жечь, смачивать и т.п.) зависят только от их геометрического строения, а не от материала, из которого они сделаны. Объяснение,

⁴⁶ Пер. С.С. Аверинцева с небольшими изменениями.

⁴⁷ Mortley, «Primary Particles and Secondary Qualities in Plato's *Timaeus*», 15–7.

предложенное Мортли, помогает понять, почему в докосмическом состоянии земля могла участвовать в процессе трансформации. Ее частицы были не кубами, а фигурами только близкими к кубической форме. Также становится ясно, какое место занимают неправильные многогранники в космологии Платона. Этот вопрос ставил Корнфорд, однако, отвечал на него иначе, полагая, что неправильные многогранники появляются в процессе трансформации одних элементов в другие, выступая в качестве их промежуточных форм⁴⁸.

Что же тогда сделал Демиург со стихиями, когда стал их упорядочивать? Ответ, который предлагает Мортли, состоит в том, что в докосмическом состоянии стихии уже имели формы многогранников, но они были неправильными, Демиург же взял существующие фигуры и исправил их. Миллер предлагает следующую интересную аналогию с «Государством». Философ, устраивающий полис, вначале должен «расчистить место», очистить души людей, и только потом начать новое строительство. Возможно, хотя это нужно еще доказать, Демиург действовал похожим образом и сначала избавил докосмический хаос от всех следов форм, которые в нем присутствовали⁴⁹. Таким образом, получается, что Демиург разбирает и собирает мир заново, как конструктор.

Земля. Рассуждение о соответствии свойств элементов и их геометрических форм, которое предлагает Платон, достаточно сложно и противоречиво. Решая вопрос о том, какому виду многогранников какая стихия соответствует, Платон предлагает несколько критериев. Первый критерий – это подвижность. В случае земли решающим оказывается форма первичных треугольников. Поскольку равнобедренные треугольники более устойчивые (*ἀσφαλεστέρα*), поверхности, которые они слагают, тоже являются более устойчивыми, поэтому земле соответствует именно форма куба: «из всех четырех родов она наиболее малоподвижная и из тел наиболее пластичная (*ἀκίνητοτάτη ὑάρ*

⁴⁸ Эту точку зрения Корнфорда оспорил Властос, см.: Gregory Vlastos, «Plato's Supposed Theory of Irregular Atomic Figures», *Isis* 58, no. 2 (1967).

⁴⁹ Miller, *The Third Kind in Plato's Timaeus*, 188.

τῶν τετάρων γενῶν γῆ καὶ τῶν σωμάτων πλαστικωτάτη⁵⁰) (56a). Дополнительным основанием для отождествления куба с землей служит рассуждение о том, каким образом появляются смешанные тела (56с–57с). Поскольку во вселенной Платона нет пустоты, то промежутки между более крупными частицами и их конгломератами должны заполняться более мелкими частицами. Поверхности куба наиболее плотно прилегают друг к другу, не оставляя зазоров, в которые могли бы проникнуть другие элементы, например, огонь. Поэтому земля способна сохранять форму, а значит наиболее пригодна для создания тел.

Вода – воздух – огонь. Далее Платон предлагает следующую схему, описывающую качества элементов в соответствии с увеличением подвижности и уменьшением размера: вода – воздух – огонь:

Наименее подвижный (τὸ δυσκίνητότατον) из остальных видов отведем воде, наиболее подвижный (εὐκίνητότατον) – огню, а средний (μέσον) – воздуху; наименьшее тело (σμικρότατον) – огню, наибольшее (μέγιστον) – воде, а среднее (μέσον) – воздуху, и, наконец, самое остроугольное (ὀξύτατον) тело – огню, следующее за ним – воздуху, а третье – воде (56a1–5).

В этом фрагменте Платон связывает три параметра правильных многогранников: подвижность – величину – остроту углов. Чем определяется подвижность элемента, т.е., по сути, тип его агрегатного состояния? Степень подвижности элемента определяется числом оснований (βάσεις). У тетраэдра их 4, у октаэдра – 8, у икосаэдра – 20.

Есть еще один важный параметр, который вводит Платон, – это вес элементов. Вес элемента определяется числом подобных частей (τῶν αὐτῶν μερῶν):

То, что имеет наименьшее число оснований (βάσεις), по необходимости самое легкоподвижное по природе, наиболее режущее и острое из всех, а еще самое легкое, состоящее из наименьшего числа подобных частей (τὸ μὲν ἔχον ὀλιγίστας βάσεις

⁵⁰ Я перевожу πλαστικωτάτη как «наиболее пластичная», потому что пластичность означает не только мягкость и податливость, но и способность удерживать форму, пригодность для лепки (πλάσσω). У Аверинцева πλαστικωτάτη переведено как «пригодна к образованию тел».

εὐκίνητότατον ἀνάγκη πεφυκέναι, τμητικώτατόν τε καὶ ὀξύτατον ὄν πάντη πάντων, ἔτι τε ἐλαφρότατον, ἐξ ὀλιγίστων συνεστώσ τῶν αὐτῶν μερῶν <...> (56a6–b2)⁵¹.

О каких «подобных частях» идет речь, мы рассмотрим ниже, когда будем разбирать вопрос о строении поверхностей элементов. Ясно, что наименьшее тело должно быть у огня как самого подвижного и легкого, наибольшее у воды, а среднее – у воздуха.

Размер элементов. Размер элементов имеет ключевое значение в процессах восприятия. Платон разделяет общий принцип античной эпистемологии: подобное познается подобным. Так что огонь познается огнем, вода – водой и т.п. Чтобы взаимодействие оказалось возможным, однородные элементы должны отличаться друг от друга своими размерами. Наиболее подробно Платон разбирает зрение, но те выводы, которые он делает о механизме зрения, применимы для описания и других чувств. Итак, зрение – это взаимодействие цвета (предмета видения, χρῶμα) и зрительного тела (ὄψις). Что такое зрительное тело? Это особое тело, которое формируется тогда, когда огонь, исходящий из глаз, соединится с огнем, разлитым в воздухе. Зрительное тело расположено на прямой, соединяющей глаз и видимый предмет. Когда огонь, исходящий от окрашенного предмета, прикасается к зрительному телу, в нем возникает движение, мгновенно передающееся всему зрительному телу целиком. Частицы огня, непосредственно касающиеся поверхности глаза, приходят в движение и проникают через плотную ткань зрачка внутрь тела. В «Тимее» Платон следует тому представлению о природе зрения, которое в «Меноне» он приписывал Эмпедоклу:

Ведь вы говорите, в согласии с Эмпедоклом, о каких-то истечениях из вещей и о порах, в которые проникают и через которые движутся эти истечения (πόρους εἰς οὓς καὶ δι' ὧν αἱ ἀπορροαὶ πορεύονται). Из этих истечений одни соразмерны некоторым порам, а другие слишком велики или слишком малы для них (τῶν ἀπορροῶν τὰς μὲν ἀρμόττειν ἐνίοις τῶν πόρων, τὰς δὲ ἐλάττους ἢ μείζους εἶναι). Цвет – это истечение от очертаний,

⁵¹ Пер. мой.

соразмерное зрению и воспринимаемое им (ἔστιν γὰρ χροῶν ἀπορροή σχημάτων ὄψει σύμμετρος καὶ αἰσθητός)⁵² (76c7–d5).

В «Тимее» Платон говорит не о порах, или проходах, а о сосудах, или жилах (φλέβες). Жилы представляют собой полые трубки, внутри которых движутся частицы стихий. Все эти трубки сходятся в сердце как центральном органе ощущений. Именно в нем движения ощущений передаются в кровь. Частицы огня могут быть либо больше, либо меньше (μείζω καὶ ἐλάττω), либо равны (ἴσα) частицам огня зрительного тела. Если они равны, то глаз ничего не воспринимает. Таково определение прозрачного по Платону (διαφανές). Большие частицы сжимают зрительный луч, так возникает видение черного цвета, а меньшие, проникая внутрь зрительного луча, расширяют его, так возникает видение белого (67c–68b). Между черным и белым заключено все разнообразие цветов. Для Платона сжатие и расширение (συγκρίσις, διακρίσις) являются фундаментальными механизмами ощущений. Сжатие обычно связано со страданием, испытываемым телом при его деформации, а расширение – с чувством удовольствия, потому что тело возвращается к исходному, соответствующему природе, состоянию. Однако в случае зрения мы не испытываем ни страдания, ни удовольствия, потому что действие, которое оказывается на зрительное тело, не носит насильственного, т.е. противного природе, характера (64d).

Родовидовое деление элементов. Как мы видели, Платон выделяет разные виды огня. Сначала (45b–d) три – дневной свет (1), огонь, исходящий от глаз (2), цвет окрашенного объекта (3). Потом еще другие три – пламя (1), свет, который дает пламя (2), тление углей (3).

Кроме того, должно принять во внимание, что существует много видов огня (πυρός τε γένη πολλὰ), из которых можно назвать пламя (φλόξ), затем истечение пламени (ἀπὸ τῆς φλογὸς ἀπτόν), которое не жжет, но доставляет глазам свет, и, наконец, то, что после угасания пламени остается в тлеющих углях (φλογὸς ἀποσβεσθείσης ἐν τοῖς διαπύροις καταλειπόμενον) (58d).

⁵² Пер. С.А. Ошерова.

Воздух и вода тоже имеют свои разновидности. Воздух делится на эфир (1), туман (2), и виды, не имеющие названий (3). «Так обстоит дело и с воздухом, прозрачайшая разновидность которого зовется эфиром (αἰθήρ), а более мутная – туманом и мглой (ὀμίγη καὶ σκότος), притом существуют у него и безымянные виды (ἀνώνυμα εἶδη), рожденные из неравенства треугольников (γεγονότα διὰ τὴν τῶν τριγώνων ἀνισότητα)». Вода в свою очередь делится на два вида: жидкий (ὕγρον) и плавкий (χυτόν). Какую роль размер элементов играет в родовидовом делении стихий? О том, чем обусловлено родовидовое деление элементов повествует фрагмент (57c8–d6):

τὸ δ' ἐν τοῖς εἶδεσιν αὐτῶν ἕτερα ἐμπεφυκέναι γένη τὴν ἑκατέρου τῶν στοιχείων αἰτιατέον σύστασιν, μὴ μόνον ἐν ἑκτέραν μέγεθος ἔχον τὸ τρίγωνον φυτεῦσαι κατ' ἀρχάς, ἀλλ' ἐλάττω τε καὶ μείζω, τὸν ἀριθμὸν δὲ ἔχοντα τοσοῦτον ὅσαπερ ἂν ἢ τὰν τοῖς εἶδεσι γένη. διὸ δὴ συμμεινύμενα αὐτὰ τε πρὸς αὐτὰ καὶ πρὸς ἄλληλα τὴν ποικιλίαν ἐστὶν ἄπειρα ἧς δὴ δεῖ θεωροῦς γίνεσθαι τοὺς μέλλοντας περὶ φύσεως εἰκότι λόγῳ χρῆσεσθαι.

«А то, что разные виды присущи по природе их родам, обусловлено устройством каждого из элементов. Каждый из двух [первичных треугольников] изначально породил треугольник⁵³, имеющий не один только размер, но некоторые большего, а некоторые меньшего размера. Число [этих треугольников разного размера] таково, сколько будет видов в родах. Так что смешение видов между собой и с другими видами стихий создает беспредельное многообразие, изучить которое надлежит тому, кто собирается изречь о природе правдоподобное слово»⁵⁴.

В интерпретации Аверинцева оказывается, что размер элементов обусловлен разницей в размерах первичных треугольни-

⁵³ Все авторы признают трудность перевода этого фрагмента, потому что подлежащим является ἑκατέρων, а не τρίγωνον.

⁵⁴ Пер. мой. Я перевожу этот фрагмент, опираясь на перевод Корнфорда. См. Cornford, *Plato's Cosmology*, 230–31.

ков, слагающих поверхности тел. Этот фрагмент в его переводе выглядит так:

Но если внутри этих [основных] видов выявились еще дальнейшие родовые различия, виной этому способ построения обоих исходных [треугольников]: дело в том, что последние первоначально являлись на свет не с единообразными для каждого рода размерами, но то меньшими, то более крупными, и разных по величине треугольников было ровно столько, сколько родов различается ныне внутри [основных] видов. Сочетание их между собой и с другими треугольниками дало беспредельное многообразие, созерцателем которого надлежит стать любому, кто вознамерится изречь о природе правдоподобное слово.

Из этого перевода следует: 1) разные виды стихий появились в результате разницы в размерах первичных треугольников, 2) беспредельное многообразие веществ в природе обусловлено смешением треугольников друг с другом, а не видов стихий между собой. Корнфорд, разбирая этот фрагмент, отрицает возможность такого прочтения. Его главный аргумент состоит в том, что если сами первичные треугольники различны по размеру, то элементы не могут беспрепятственно трансформироваться друг в друга. Иначе были бы разные цепочки трансформаций в зависимости от вида элемента, но об этом нет и речи в «Тимее».

Благодаря чему же однородные элементы различаются по видам? Из текста «Тимея» мы точно знаем, что поверхность пирамиды построена 6-ю прямоугольными треугольниками:

Если такие треугольники сложить, совмещая их гипотенузы, и повторить такое действие трижды, притом так, чтобы меньшие катеты и гипотенузы сошлись в одной точке как в своем центре, то из шестикратного числа треугольников будет рожден один, и он будет равносторонним (54e).

Также устроены поверхности икосаэдра и октаэдра. Строение поверхности куба иное: «четыре треугольника, прямые углы которых встречались в одном центре, образовывали квадрат» (55b). Предположение Корнфорда состоит в следующем:

все первичные треугольники имеют одинаковый размер, но поверхности правильных многогранников может слагать как меньшее, так и большее их число. В тексте «Тимея» Платон предложил только один вариант построения поверхностей правильных многогранников, но их может быть существенно больше. Ни Фридлэндер⁵⁵, ни Властос⁵⁶, ни Зиль⁵⁷ не оспаривают решение, предложенное Корнфордом.

Однако Бриссон не считает нужным вводить дополнительные допущения, ссылаясь на тот факт, что Платон дает не точное, а только правдоподобное описание вселенной⁵⁸. Некоторые авторы даже заявляют, что размер первичных треугольников может варьироваться неограниченно – как, возможно, было в случае атомов Демокрита. Основное возражение против интерпретации Корнфорда сформулировал Мюглер⁵⁹: если первичные треугольники имеют одинаковый размер, то размер треугольников, формирующих поверхности первичных тел, не будет обладать бесконечным разнообразием (τὴν ποικιλίαν ἐστὶν ἄλειρα), о котором говорит Платон. В интерпретации Мюглера, как и в интерпретации Аверинцева, оказывается, что смещению подвергаются различные треугольники (συμμειγνόμενα αὐτὰ τε πρὸς αὐτὰ καὶ πρὸς ἄλληλα), тогда как Корнфорд считает, что смещению подвергаются различные виды стихий. В пользу интерпретации Корнфорда говорит тот факт, что если бы речь шла о смещении треугольников различных размеров между собой, то это смещение породило бы множество неправильных многогранников и космос Платона оказался бы ими переполнен, а это невозможно.

⁵⁵ Paul Friedländer, *Platon: Seinswahrheit und Lebenswirklichkeit* (Berlin: W. de Gruyter & Co., 1954).

⁵⁶ Gregory Vlastos, *Plato's Universe* (Seattle: University of Washington Press, 1975).

⁵⁷ Zeyl, *Timaeus*.

⁵⁸ Luc Brisson, *Le même et l'autre dans la structure ontologique du «Timée» de Platon: Un commentaire systématique du Timée de Platon: Lettres et Sciences humaines*. (Nanterre: l'Université de Paris-X, 1974), 391.

⁵⁹ Charles Mugler, *La Physique de Platon* (Paris: C. Klincksieck, 1960), 22–6.

Строение поверхностей элементов. Во многом итог спорам о строении поверхностей стихий подвел О'Браен. В работе 1984 г. «*Plato Weight and sensation: the two Theories of the Timaeus*» О'Браен доказал, что для того, чтобы окончательно ответить на вопрос о строении поверхностей стихий, нужно вернуться к вопросу об отношении веса элемента и числа подобных частей, входящих в его состав. В процитированном выше фрагменте об устройстве огня, воздуха и воды вес элемента определяется не размером подобных частей, а их числом. Огонь легок (ἐλαφρότατον) потому, что в его состав входит наименьшее число подобных частей (ἐξ ὀλιγίστων συνεστῶς τῶν αὐτῶν μερῶν). О каких подобных частях идет речь? О поверхностях многогранников или о треугольниках, слагающих эти самые поверхности? Прямого ответа в тексте «Тимея» не найти. Однако О'Браен предлагает внимательно изучить трактат Аристотеля «О небе», в котором тот пересказывает некоторые доктрины «Тимея». В начале третьей книги, разбирая вопрос о том, могут ли физические тела состоять из плоскостей (299b31–300a1), одним из аргументов против этой теории Аристотель выдвигает тезис о том, что не имеющие веса плоскости не могут слагать тело, обладающее весом. При этом Аристотель ссылается на текст «Тимея»: «если различие в тяжести между телами зависит от числа плоскостей (πλήθει τῶν ἐπιπέδων), как определено в «Тимее», то ясно, что и линия, и точка будут иметь тяжесть»⁶⁰. Симпликий в комментарии к этому фрагменту отмечает ошибочность интерпретации Аристотеля. Если бы вес стихии зависел от числа поверхностей, то вода была бы тяжелее земли, ведь икосаэдр имеет 20 поверхностей, тогда как куб только 6⁶¹. Таким образом, утверждает О'Браен, Платон не разделял стихии по весу относительно числа их поверхностей⁶².

Существует еще одна трудность, связанная с теорией веса как числа подобных частей. Кажется, что она противоречит другой теории веса Платона, которая подробно изложена в том

⁶⁰ Пер. А.В. Лебедева.

⁶¹ Simplicius, *On Aristotles "On Heavens"* 3.1–7, trans. Ian Mueller (Bloomsbury, 2014), 51–2.

⁶² O'Brien, *Plato Weight and Sensation*, 77.

же «Тимее» (63a-e), а именно: что вес – это сила тяготения. Чтобы показать взаимодополняемость этих двух теорий веса, О’Браен сначала реконструирует теорию веса как силы сопротивления, или тяготения. Она помещена Платоном в контекст критики представления о том, что Вселенная имеет естественные верх и низ. Согласно «Тимею», космос шарообразен, стихии распределяются в нем в следующем порядке: в центре находится земля, затем – вода, затем – воздух и, наконец, огонь – сфера светил. Таким образом, тяжелое – это вовсе не то, что падает вниз, а легкое – не то, что стремится вверх. Желая продемонстрировать, что такое вес, Платон предлагает провести следующий мысленный эксперимент. Если мы поместим наблюдателя в сферу огня, то, когда он попытается оторгнуть часть огня в воздух, столкнется с сопротивлением, которое оказывает огонь, нежелающий покидать свое место. Сопротивление огня и есть его вес. Чем огня больше, тем труднее его оторгнуть. Это же рассуждение верно и в случае других стихий. Все они проявляют тяготение к тому, что им сродно⁶⁵. То есть, вес – это сила тяготения к сродному. Получается, что легкость огня, с которой он стремится вверх, есть не что иное, как его тяжесть.

Каким образом теория веса как силы тяготения может быть согласована с утверждением Платона о том, что вес зависит от числа подобных частей? О’Браен полагает, что эти две теории веса могут быть согласованы, если мы примем, что речь идет не о поверхностях многогранников, а о первичных треугольниках, слагающих эти поверхности. Доказательство этому утверждению О’Браен находит в тексте самого «Тимея». То, что разницу в весе обеспечивает не число поверхностей многогранников, а число первичных треугольников, показывает разделение воды на два вида: «жидкий и плавкий».

Первый жидок потому, что содержит в себе исходные тела воды, которые малы (σμικρά) и притом имеют разную величину (ἀνίσων ὄντων); благодаря своей неоднородности (διὰ τὴν ἀνωμαλότητα) и форме своих очертаний (τὴν τοῦ σχήματος ἰδέαν) он

⁶⁵ Поэтому Аристотель дает этому свойству вещей общее имя – тяготение, ῥολή («О небе» 308a1).

легко приходит в движение (κίνητικόν) как сам по себе, так и под воздействием иного. Напротив, второй вид состоит из крупных (ἐκ μεγάλων) и однородных (ὁμαλῶν) тел; он устойчивее (στασιώτερον) первого и тяжел (βαρὺ), будучи плотным по причине однородности (πεπηγὸς ὑπὸ ὁμαλότητός ἐστιν) (58d-e).

Очевидно, что в случае воды число поверхностей у двух ее видов одинаковое, значит, разница в весе может определяться только числом первичных треугольников. Таким образом, О'Браен смог подтвердить предположение Корнфорда о том, что поверхности стихий сложены разным числом первичных треугольников.

Кроме того, от числа первичных треугольников будет зависеть не только вес и размер элемента, но и его видовая принадлежность, а следовательно, и то, каким образом элементы взаимодействуют между собой в процессе восприятия. Анализируя вопрос о механизме восприятия различных цветов у Платона, Иеродиакону предположила, что в процессе восприятия частицы также подвергаются изменению, только меняется не их род, а вид. Сжатие – это процесс слияние частиц зрительного луча в большие частицы под действием более крупных частиц огня, а расширение – это процесс дробления, т.е. превращения в меньшие частицы под действием проникающих внутрь зрительного тела более мелких частиц. Тогда как можно описать зрительный механизм? Иеродьякону предполагает, что в процессе восприятия огонь зрительного луча становится подобен огню, исходящему от предмета. Например, когда мы видим серый объект, который излучает одновременно белый и черный цвета, то пирамиды этих двух разных размеров взаимодействуют с частицами огня зрительного тела и преобразуют их в более мелкие и более крупные частицы соответственно, так что зрительное тело в конечном итоге содержит ту же пропорцию пирамид этих двух размеров, что и серое тело⁶⁴.

⁶⁴ Katerina Ierodiakonou, «Plato's Theory of Colours in the *Timaeus*», *Rhizai. A Journal for Ancient Philosophy and Science* 2 (2005), 228.

* * *

Итак, Платон рассматривает первичные тела и в их докосмическом, и в космическом состоянии как отпечатки умопостигаемых форм и частицы, способные к трансформации. Трансформация в свою очередь оказывается возможной благодаря тому, что поверхности многогранников слагают первичные треугольники двух видов, но одного размера внутри каждого вида. В докосмическом состоянии все стихии могут трансформироваться друг в друга, потому что представляют собой не правильные многогранники, а фигуры только близкие к ним по форме. Первичные треугольники не тождественны природе восприимчивости, они такие же тела, как и стихии. Первичные треугольники находятся в восприимчивости, но не делят ее на части и не оформляют ее. Размер и вес элементов определяется числом слагающих их поверхностей первичных треугольников. Размер однородных элементов является ключевым фактором в процессах восприятия.

Список литературы / References

- Бородай, Т.Ю. *Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона*. М.: Издатель Савин С.А., 2008
 (Borodai, Tat'yana Yu. [*The Birth of a Philosophical Concept: God and Matter in Platos's Dialogues*]. Moscow: Izdatel' Savin S.A. Publ., 2008. (In Russian))
- Algra, Keimpe A. *Concepts of Space in Greek Thought*. Leiden, New-York, Köln: Brill, 1994.
- Archer-Hind, Richard Dacre. *The Timaeus of Plato*. London: McMillan & Co, 1888.
- Brisson, Luc. *Le même et l'autre dans la structure ontologique du «Timée» de Platon: Un commentaire systématique du Timée de Platon: Lettres et Sciences humaines*. Nanterre: l'Université de Paris-X, 1974.
- Broadie, Sarah. *Nature and Divinity in Plato's Timaeus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Cherniss, Harold F. *Aristotle's Criticism of Plato and the Academy*, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1944.
- Cherniss, Harold F. «A Much Misread Passage of the *Timaeus* (*Timaeus* 49 C7-50 B5)», *The American Journal of Philology* 75, no. 2 (1954): 113-30.

- Cornford, Francis Macdonald. *Plato's Cosmology*. London: Routledge & Kegan Paul, 1937.
- Crombie, Ian M. *An Examination of Plato's Doctrines*. Vol. 2. *Plato on Knowledge and Reality*. London, New-York: Routledge, 1963.
- Friedländer, Paul. *Platon: Seinswahrheit und Lebenswirklichkeit*. Berlin: W. de Gruyter & Co., 1954.
- Gill, Mary Louise. «Matter and Flux in Plato's *Timaeus*». *Phronesis* 32 (1987): 34–53
- Gulley, Norman. «The Interpretation of Plato, *Timaeus* 49D–E». *American Journal of Philology* 81 (1960): 53–64.
- Ierodiakonou, Katerina. «Plato's Theory of Colours in the *Timaeus*», *Rhizai. A Journal for Ancient Philosophy and Science* 2 (2005): 219–33.
- Karamanolis, George. «Does Plato Advance a Bundle Theory in the *Timaeus*?». In *Plato's Timaeus. Proceedings of the Tenth Symposium Platonicum Pragense*, edited by Chad Jorgenson, Filip Karfik, Štěpán Špinka, 149–68. Leiden: Brill, 2020.
- Lee, Edward N. «On Plato's *Timaeus* 49d4–e7», *American Journal of Philology* 88 (1967), 1–28.
- Miller, Dana R. *The Third Kind in Plato's Timaeus*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003.
- Mills, K.W. «Some Aspects of Plato's Theory of Forms: *Timaeus* 49c ff.». *Phronesis* 13 (1968), 145–70.
- Mohr, Richard. «Mechanism of Flux in Plato's *Timaeus*», *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science* 14, no. 2 (1980): 96–114.
- Mortley, Raoul J. «Primary Particles and Secondary Qualities in Plato's *Timaeus*». *Apeiron: A Journal for Ancient Philosophy and Science* 2, no. 1 (1967): 15–7.
- Mugler, Charles. *La Physique de Platon*. Paris: C. Klincksieck, 1960.
- Nakamura, Takeshi. «“This” and “Such” in the Receptacle Passage of Plato's *Timaeus*». *Archiv für Geschichte der Philosophie* 104, Nr. 2, (2022) 239–65.
- O'Brien, Denis. *Plato Weight and Sensation: the Two Theories of the Timaeus*. Paris: Les Belles Lettres, Leiden: Brill, 1984.
- Sachs, Eva. *Die Fünf Platonischen Körper: Zur Geschichte der Mathematik und der Elementenlehre Platons und der Pythagoreer*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1917.
- Silverman, A. «Timean Particulars». *Classical Quarterly* 42 (1992): 87–113.
- Simplicius, *On Aristotle's "On Heavens" 3.1–7*. Translated by Ian Mueller, Bloomsbury, 2014.

- Taylor, Alfred Edward. *A Commentary on Plato's Timaeus*. Oxford: Clarendon Press, 1928.
- Vlastos, Gregory, «Plato's Supposed Theory of Irregular Atomic Figures». *Isis* 58, no. 2 (1967): 204–09.
- Vlastos, Gregory. *Plato's Universe*. Seattle: University of Washington Press, 1975.
- Zeyl, Donald. «Plato and Talk of a World in Flux: *Timaeus* 49a6–50b5». *Harvard Studies in Classical Philology* 79 (1975): 125–48.
- Zeyl, Donald, ed. and trans. Plato. *Timaeus*. Indianapolis/Cambridge: Hackett, 2000.